К сожалению, манипулирование такими сложными руками одновременно требовало такого уровня многозадачности, на который мой мозг просто не был способен. Как Октавиусу это удавалось в фильмах Сэма Рэйми, я никогда не узнаю, хотя чип на его мозжечке, вероятно, имел к этому какое-то отношение, но так как это было также единственной вещью между ним и безумием, я не горел желанием испытывать свою удачу с ним.

Штейн, конечно же, с радостью смастерил себе костюм с шестью руками, который мог выполнять сложные задачи одновременно.

Хотя его самодовольство было почти невыносимым, оно также позволяло ему работать в шесть раз быстрее, и во время нашей поездки из Момбасы, Кения, в саванну, Джорджия, он изготовил два более простых оружия для моих собственных доспехов.

Честно говоря, мне показалось, что они выглядят чем-то средним между костюмом Желтой куртки, который Даррен Кросс сошьет через пару лет, и клешнями зерглинга.

Два отдельных дуговых реактора (все еще из очень небольшого запаса, который я извлек из дронов Ванко, поскольку для создания собственного реактора потребовались бы некоторые материалы, которые было бы трудно получить из прицепа грузовика) внутри плоского "рюкзака" с Вибраниумным экраном обеспечивали как энергию, так и точку крепления для дополнительных придатков, в то время как сервоприводы Старка были объединены с передовым программным обеспечением Вакандаы, чтобы они плавно реагировали на мою волю.

Мощная батарея в головке руки, за заостренными лезвиями, черпала энергию из дуговых реакторов и использовалась для питания лазеров, которые были спрятаны в тонком разрезе вниз по лезвию клещей.

Которые, конечно, тоже были сделаны из вибраниума.

Сама по себе моя новая и улучшенная броня выглядела смертельно.

В темноте пригородного дома, стоящего прямо за его обитателем, который даже не подозревал, что я здесь, мои глаза заметно светились за линзами шлема?

Что ж, если пронзительный крик Бурштейна в сочетании с подбрасыванием его пакета молока в воздух (а затем и на меня) и падением на кухонный пол были каким-то признаком, я мог выглядеть абсолютно ужасно.

Ну, теперь, когда Бурштейн в панике облил меня молоком, не так сильно, но все же.

-Ч-ч-Кто ты?!"

Пытаясь (и несколько безуспешно) сдержать свой гнев на этого болвана, который вылил молоко на мои блестящие, новые, дорогие доспехи, я подхожу ближе к ученому, когда он убегает от меня, пока его спина не ударяется о холодильник. Я опускаюсь на одно колено, чтобы они были ближе друг к другу, Моя массивная бронированная фигура нависает над его дрожащей, медленно вытягивая клешни, вибраниевые лезвия парят по обе стороны от него.

В этот момент моя лицевая пластина хлопает, показывая мое улыбающееся выражение.

- Здравствуйте, доктор Бурштейн! Меня зовут Майкл Маккоул, и я собираю выдающуюся научную команду! Как вам понравится быть вторым самым умным человеком на планете?"

Он падает в обморок.

- В самом деле, Сэмюэль, это потрясающе! Я не могу отблагодарить вас достаточно, то, как я сейчас смотрю на свои исследования, это..."

"Ах, ребята..."

-Знаю, Ной, знаю. То же самое я чувствовал и в отношении своей собственной работы, когда впервые получил повышение интеллекта. Вещи, над которыми я мучился в прошлом, теперь выглядели такими ... простыми, понимаешь? Все начинало обретать смысл; я просто делал очевидный, логичный следующий шаг в своем исследовании."

- Привет, ребята..."

- Да! Вот именно! Я оглядываюсь на свои многолетние исследования, и все, о чем я могу думать, это: как я мог упустить, что экзотермическая реакция была необходима в качестве катализатора для процедуры!"

- Ребята?"

На мой крик Ной чуть не прыгает через дыру в потолке своего сарая, хотя Штейн остается совершенно невозмутимым, просто поднимает голову достаточно, чтобы неодобрительно посмотреть на меня через край монитора, за которым он прячется.

В то время как Бурштейн быстро смирился с тем, что его интеллект повысился (тем более, что Штейн поручился за это, поскольку, казалось, они знали друг друга периферически через общие области исследований), он продолжал бояться меня после того, как я проделал с ним свой трюк из фильма ужасов.

Поделом ему, это должно научить его не выливать молоко на мои прекрасные новые доспехи.

Тем не менее, как только он испытал открывающий глаза новый способ, которым интеллектуально продвинутые люди видели мир (по сей день, несмотря на раскалывающуюся головную боль, которую я испытывал в то время, тот момент, когда я восстановил контроль над своими чувствами после того, как Штейн увеличил мой мозг, остался одним из моих любимых воспоминаний), он быстро присоединился к нам, взволнованный мыслью о достижениях, которые мы сделаем в науке, быстро устраняя любые возражения, которые у него могли быть.

Тем не менее, хотя я поощрял его и Штейна к сближению с техно-болтовней и гиперинтеллектуальностью, поскольку это делало его более лояльным к нам, это не означало, что мне нравилось висеть голым над ванной (ну, технически двумя ваннами, поскольку я был слишком большим, чтобы поместиться в одну, поэтому я отпилил концы с одной стороны и сварил их вместе), наполненной кислой жидкостью, привязанной к металлической каталке в сарае парня, которого я знал все две недели.

Да, моя жизнь стала действительно странной.

-Мы можем продолжить? - Пожалуйста. Если прошлый опыт научил меня чему-то, то усиление себя таким образом причинит мне боль, так что давайте не будем тянуть дальше, хорошо?"

На мгновение оба ученых обменялись взглядами, прежде чем Штейн снова уставился на меня, и хотя я не вижу его лица за монитором, я просто знаю, что он ухмыляется.

- Конечно, тебе решать."

И с этими словами меня бросают в ванну, наполненную кислотой.

Как и ожидалось, это больно,, вся моя кожа кричит от боли, когда ее съедают, только чтобы вырастить снова, тепло, которое выделяет Экстремис, когда он переходит в овердрайв, чтобы залечить огромное количество повреждений, через которые я прохожу, кипятит жидкость вокруг меня.

И это до того, как Бурштейн щелкнет выключателем и убьет меня током.

Я был привязан к стальной каталке (которая начинает окисляться, но я слишком поглощен болью, чтобы действительно заметить это) тяжелыми железными цепями, но когда электричество пронзает каждый мой нерв, все мои мышцы сжимаются, и я начинаю ломаться.

Смутно, как будто они за много миль от меня, я слышу панические крики Штейна и Бурштейна, когда я пробиваю дыру прямо в ванне, кислота просачивается вокруг моего сжатого кулака через дыру на бетонный пол сарая Бурштейна.

И по мере того, как уровень жидкости в ванне медленно начинает снижаться, а паника ученых нарастает, одна мысль пробивает себе путь сквозь объединенную боль от удара током и

медленного растворения одновременно.

-Я больше не буду заниматься этим дерьмом.

В тюрьме Seagate Люк Кейдж был создан после того, как расистский тюремный охранник Рэкхем повернул циферблат до одиннадцати, вызвав взрыв. В сарае Бурштейна Люк Кейдж был исцелен после того, как Клэр Темпл поняла то же самое и продолжила, , готовить свой потенциальный любовный интерес живьем.

Я, с другой стороны?

Я мог бы стать горячее, чем, это.

Гораздо горячее.

http://tl.rulate.ru/book/49515/1257840